

Шао Синтан продолжал упорно держать дверь, думая, что нужно продержаться как можно дольше. Возможно, кто-то уже отправился предупредить Юй Чжаньняня. А вдруг тот, в своём властном характере, решит прислать помощь? Хотя Шао Синтан пытался успокоить себя, в глубине души он не слишком надеялся на Юй Чжаньняня. В конце концов, он не доверял ему. Не верил, что человек, который насильно завладел им, может искренне заботиться о нём. Не верил, что человек с таким высоким положением способен на искренность...

Вскоре хрупкая дверь, которую он так отчаянно держал, содрогнулась от мощного удара. От первого же удара Шао Синтан чуть не отлетел в сторону. Собрав все силы, он упёрся ногами в пол, но тут последовал ещё более сильный удар...

Едва второй удар стих, Шао Синтан быстро отступил от двери, нашёл на беспорядочно заваленном столе для грима небольшой нож для подравнивания бровей и спрятал его в рукаве. В этот момент раздался грохот, смешанный с криком боли... Японский самурай, который ломился в дверь, вместе с дверью влетел внутрь и с грохотом упал на пол, выглядя даже более жалко, чем сама дверь.

Шао Синтан с холодной усмешкой наблюдал, как Ямагути Хидэта и второй самурай в панике подняли своего товарища и, ругаясь, направились к нему.

На этот раз они не стали церемониться. Два самурая, схватив его, потащили наружу. Шао Синтан, зажатый между ними, чувствовал себя беспомощным, как цыплёнок. Его руки, скрученные за спину, ныли от боли.

Его быстро затолкали в машину. Перед тем как сесть, Шао Синтан бросил взгляд на Шэнь Цайтяня. Тот выглядел обеспокоенным, но глазами дал понять, что уже отправил людей за Юй Чжаньнянем.

Раненый самурай сел на переднее сиденье, а другой, в чёрном кимоно, с грубым лицом, и Ямагути Хидэта сели по бокам от Шао Синтана на заднем сиденье. Машина была маленькой, и с двумя такими крупными мужчинами внутри стало тесно.

Ямагути Хидэта повредил правую руку, когда дверь ударила его, и теперь она опухла. Он держал повреждённое запястье, продолжая ругаться, но, ослабленный болью, не мог ничего сделать Шао Синтану.

Однако даже в таком состоянии запах пота и опиума, исходивший от Ямагути Хидэты, проникал в нос Шао Синтана. Но у него не было времени даже на то, чтобы поморщиться от отвращения. Все его мысли были заняты тем, что должно было произойти, и он умолял в душе, чтобы Юй Чжаньнянь, хотя бы из чувства собственности, пришёл на помощь!

Когда Шао Синтана силой втащили в мрачный, но роскошный загородный дом, его сердце упало. Он никогда так не ненавидел своё хрупкое тело, которое могло быть с лёгкостью обездвижено одной рукой.

Когда его бросили на кровать, Шао Синтан уже не питал никаких надежд на Юй Чжаньняня. Он думал, что, даже если тот придёт, будет уже слишком поздно. Он умрёт от рук этих зверей.

Хотя некоторые мужчины могут считать, что быть изнасилованным — всё равно что быть укушенным собакой. Но это относится только к китайским собакам. Если же тебя кусает японская собака, Шао Синтан был уверен, что даже если он выживет, то обязательно заразится бешенством.

Его поволокли в ближайшую спальню, и остальные обитатели дома даже не удивились. Несколько женщин, ярко накрашенных, несмотря на ночную прохладу, увидев их, начали смеяться:

— Смотрите, наш хозяин снова похитил невинного!

Ямагути Хидэта накричал на них по-японски, но они лишь продолжали насмехаться.

Из коридора донеслись шаги, и за дверью послышался взволнованный голос:

— Господин, господин, беда...

Прежде чем человек успел закончить, Ямагути Хидэта рявкнул:

— Проваливай!

Затем он с похабной улыбкой повернулся к двум самураям, которые держали Шао Синтана:

— Когда я закончу, и вы сможете насладиться. Прелести мужчины нельзя сравнить с женщиной, особенно такого красавца, как этот...

Шао Синтан уже перестал сопротивляться, понимая, что ему не избежать своей участи. Он опустил глаза, скрывая злобный блеск в них, и принял жалкий и испуганный вид, дрожащим голосом сказал:

— Пожалуйста... будьте нежны...

Ямагути Хидэта посмотрел вниз и увидел изящное лицо Шао Синтана, его большие глаза, чёрные, как драгоценные янтари. Его мысли мгновенно были захвачены, и он подумал, что такой красавец — это редкость, даже после множества женщин. Увидев его внезапную покорность, он расслабился и стал менее осторожным.

Шао Синтан, сдерживая отвращение, приблизил своё лицо к жирной руке Ямагути Хидэты, сказав:

— Позвольте мне обслужить вас...

Его голос был полон соблазна.

Ямагути Хидэта, прищурившись, приказал самураям отпустить его. Шао Синтан опустился на колени перед ним, делая вид, что собирается расстегнуть его штаны.

В этот момент раздался смех, от которого его тошнило. Они говорили по-японски:

— Красавица так торопится...

Рука Шао Синтана незаметно скользнула в рукав, и в следующее мгновение что-то блеснуло, резко вонзившись в пах Ямагути Хидэты, который всё ещё смеялся...

В этот момент тяжёлая дверь с грохотом распахнулась, замок был разбит выстрелами снаружи...

Когда Юй Чжаньнань ворвался в комнату, он услышал вопль, разнёсшийся по ночному небу.

Это был не тот голос, которого он ждал, поэтому Юй Чжаньнань не растерялся. Он оттолкнул тех, кто стоял на его пути, и вошёл внутрь, увидев успокаивающую картину.

Толстый, как свинья, Ямагути Хидэта катался по полу, держась за пах, а два его самурая, один из которых был ранен, с бледными лицами смотрели на своего хозяина, не решаясь подойти.

Тонкий нож, сверкающий и окровавленный, был зажат в тонкой белой руке.

Шао Синтан был в беспорядке, но его одежда в целом осталась целой, только обнажилась тонкая шея. Юй Чжаньнань, в уголке, который никто не видел, вздохнул с облегчением...

Все обитатели виллы были разбужены криками Ямагути Хидэты и толпились у двери, желая посмотреть, что произошло, но солдаты Юй Чжаньнаня, держа ружья наготове, не пускали их внутрь.

Среди них была женщина лет тридцати, в прозрачном шёлковом халате с глубоким вырезом, с растрёпанными волосами. В свете лампы можно было разглядеть её грудь, похожую на спелые персики. Она кокетливо стояла перед солдатами, держащими ружья, и сказала:

— Ой, сколько тут вооружённых мужчин, что это за место такое?

Янь Лян, желая увидеть, что происходит внутри, с отвращением посмотрел на неё и последовал за Юй Чжаньнанем в дом.

Эта женщина была пятой наложницей Ямагути Хидэты, известной своей кокетливостью. Увидев, что два самых привлекательных мужчины, похожих на важных персон, вошли в дом, а она осталась снаружи, она с негодованием крикнула солдатам:

— Это мой дом, пустите меня, я хочу увидеть моего мужа...

Не успела она закончить, как изнутри раздался низкий, властный голос:

— Кто ещё будет болтать, будет застрелен на месте.

Солдат, стоявший перед ней, с щелчком взвёл курок, заставив наложницу в страхе отступить. Остальные также не осмелились подойти. Комната Ямагути Хидэты была окружена солдатами Юй Чжаньнаня, их ружья направлены наружу.

В своих криках Ямагути Хидэта услышал голос Юй Чжаньнаня и, преодолевая боль, открыл глаза. Увидев своего покровителя, он попытался подползти к нему, крича:

— Брат Юй, ты пришёл...

Юй Чжаньнань стоял на месте, наблюдая, как Ямагути Хидэта с трудом ползёт к нему, его лицо оставалось бесстрастным.